

ОЦЕНКА ДОСТИЖЕНИЙ РОССИЙСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ XIX в. В ТРУДАХ А. И. ПЫПИНА

Соловьев Р. В. (Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова», кафедра всеобщей истории)

Аннотация. В тексте дается краткое изложение соображений и критических оценок А.Н. Пыпина на тему достижений российского славяноведения по истории восточных славян, а также их современного положения, в т. ч. состояние изученности отдельных «отраслей» в историографии к концу XIX века.

Своеобразно расценивал историю восточных славян и их современное положение в контексте достижений российского славяноведения в конце XIX в. известный историк и этнограф Александр Николаевич Пыпин.

Признавая, что белорусский и малорусский народы входят вместе с великорусским в одно «племя», Пыпин в то же время не сомневался в этнической индивидуальности каждого из них [1, с. 21]. В общей классификации славянских народов Пыпин отнес к восточной ветви славянства русских, которые подразделяются на великорусов, малорусов и белорусов, имеющих свой язык и другие этнические признаки. На это обстоятельство важно обратить внимание, так как в различных работах Пыпин, употребляя термин «русские», имел в виду «племенную» совокупность трех народов [1, с. 21]. В XIX в. такое содержание вкладывалось в этноним «русские» многими историками, этнографами, филологами, в том числе и славистами. Вместе с тем и у Пыпина, и у других исследователей

наряду с указанным расширительным толкованием понятия «русские» часто встречалось и употребление его в качестве обозначения только «великорусского» народа. Такой дуализм оставался характерным для исторического дискурса Российской империи вплоть до революции и появлению иных определений и толкований.

Национальные процессы в среде украинского и белорусского населения Российской империи Пыпин рассматривал в общем контексте национального подъема и национальных движений славянских народов. Он выявил наличие типологического сходства складывания украинской и белорусской наций со славянским национальным возрождением. В основе последнего лежало стремление к достижению независимости «внутренней жизни» каждого народа и «созданию своей самобытной культуры» [1, с. 4].

Что интересно, по Пыпину, более медленно протекавшее национальное становление белорусского народа объяснялось тем, что белорусские земли дольше, чем украинские, оставались под влиянием польской культурной гегемонии. Разные ступени формирования наций выражались в степени самостоятельности национальной культуры – в первую очередь национального языка. Что характерно, Пыпин, признавая отдельность украинского и белорусского языков от русского, при этом в своей авторской схеме славянских языков назвал украинский «языком», а белорусский – «наречием», поскольку к тому времени из белорусских говоров еще не сформировался литературный язык [1, с. 166–167].

Пыпин указывал на необходимость изучения и детального рассмотрения всех обстоятельств, имеющих место даже в одном племенном типе, в том числе у восточных славян. Так, по его мнению, изначальное русское племя не являлось однородной массой. В дальнейшем, в ходе прежде всего политической истории, отдельные племена все больше отдалялись друг от друга, особенно после отделения западной и юго-западной Руси от восточной и присоединения к западному (польскому) миру. Эти части Руси жили в иных условиях, воздействовавших на ход этнических процессов. Такое разъединение вело к ослаблению «русского мира». Оказавшись в различных обстоятельствах, «зародыши племенной индивидуальности, которые могли бы стереться в общении с другими частями своего собственного родного целого, теперь начинают развиваться отдельно; они определили те черты, которые составили основу трех «отраслей русского племени». Формирование этих народностей, напоминал Пыпин, «шло почти параллельно» [1, с. 6, 11].

Однако, Пыпин особо выделял тот факт, что условия, в которых проходило становление украинской и белорусской наций, хоть и были сходны с теми, в которых происходил генезис других славянских наций (прежде всего в рамках многонациональных империй), но при этом, для украинцев и белорусов, несмотря на наличие различий, искореняемых властями, это было не «иностранное», а «одноплеменное» государство [1, с. 11–12].

Наряду с общим этнографическим и литературным анализом славянства в Российской империи Пыпин представил собственное видение белорусской и украинской истории. Не приветствуя радикального пути решения национальных проблем, ученый призывал к их широкому и непредвзятому общественному обсуждению, отводя в этом деле важную роль науке. В частности, в своих исследованиях белорусских земель, как и в других работах, применяя историко-сравнительный метод, Пыпин стремился освещать изучаемый предмет объективно, не навязывая читателям своих мнений и оценок.

Ученый обобщил материалы разных наук, систематизировал литературу, затрагивающую белорусскую и украинскую тематику. Он впервые обозначил этапы развития белорусоведения и украиноведения, выявив то, что было характерно для каждого из них, дал достаточно полный историографический обзор, знакомя с биографиями исследователей, содержанием их работ, отмечая достоинства и недостатки трудов и определяя их вклад в науку [1, с. 3–24, с. 101–124, с. 143–159, с. 167–171].

Следует отметить, что все предложенные объяснения истории восточнославянских народов имели характерную закономерность: представители украинского и белорусского национального движения в целом склонялись к т. н. «племенной концепции», т. е. констатировали изначальные различия предков трех народов, а российские исследователи явно смещали акцент в сторону вторичных влияний, разорвавших некогда единый этнос.

На общем фоне роста числа национально-ориентированных взглядов в историческом дискурсе продолжалось изучение как общеславянской проблематики, так и все более углубляющихся и заметных отличий между тремя восточнославянскими этносами. При этом следует указать на то обстоятельство, что проблемы этногенеза и нациогенеза в среде восточных славян были недостаточно хорошо разработаны, на что прямо указывал Пыпин в ряде своих работ. В целом это подтверждалось отсутствием прочных концепций, крайним плюрализмом мнений, путаницей в понятийном аппарате.

Литература

1. Пыпин, А. Н. История русской этнографии: в 4 т. / А. Н. Пыпин. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1892. – Т. 4: Белоруссия и Сибирь. – XII. – 488 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова